

Беженцы в составе русской эмиграции в Новую Зеландию

Елена Викторовна Рудникова,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: elena.rudnikova@mail.ru

В статье рассматривается история переселения специфических групп мигрантов из России и Советского Союза в Новую Зеландию. Хронологическими рамками исследования являются три десятилетия после окончания Второй мировой войны. На основе широкого круга источников автор делает общее описание трёх переселений: «перемещённых лиц» из послевоенной Европы, русских староверов из Китая и престарелых белоэмигрантов из Китая и Филиппин. Организатором и спонсором переезда из Европы была Международная организация по делам беженцев, остальные группы прибыли при содействии активистов Национального Совета церковью Новой Зеландии. Дается характеристика численного, половозрастного и социального состава переселенцев. В фокусе внимания автора находится история этнических русских. Обсуждается вопрос о причинах занижения количества таких эмигрантов среди «перемещённых лиц». Для определения численности и состава последних используются новые источники, ранее в российской историографии не привлекавшиеся: архивные судовые списки пассажиров кораблей, перевозивших послевоенных беженцев из европейских лагерей в Новую Зеландию. Вводятся понятия «прямого» и «косвенного» подсчётов при оценке реальной численности русских эмигрантов. Осуществляется оценка деятельности принимающей стороны. Дается сравнительная характеристика культурно-языковой адаптации всех трёх групп русских переселенцев в новом обществе, анализируются причины разной степени аккультурации беженцев.

Ключевые слова: русские в Новой Зеландии, российские беженцы, русские эмигранты, «перемещённые лица», русские староверы.

Refugees in the History of Russian Emigration to New Zealand.

Elena Rudnikova, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: elena.rudnikova@mail.ru.

The article deals with the resettlement history of the specific refugee groups from Russia and the Soviet Union to New Zealand. Chronological framework of the research is three decades after World War II. On the basis of a wide range of sources, the author makes a general description of three refugee groups: “displaced people” from postwar Europe, Russian Old Believers from China

and elderly White Russians from China and the Philippines. The International Refugee Organization was an organizer and sponsor of the first group's resettlement; others arrived under the auspices of the activists of the National Council of Churches in New Zealand. The author describes a number, age and gender, and social origin of the emigrants. The focus of the research is the refugees of Russian ethnicity. There is a discussion on the reasons for undercounting the number of Russian emigrants in the overall number of the "displaced people". New sources are used for determining their number which haven't been previously used in Russian historiography. These are the archive lists of passengers from ships carrying postwar refugees from European camps to New Zealand. The author introduces the method of "direct" and "indirect" calculation in assessing the real quantity of Russian emigrants. There is a comparative study of the cultural and linguistic adaptation of all three groups of Russian immigrants in the new society and the analysis of the reasons of different acculturation of the refugees.

Keywords: Russians in New Zealand, Russian refugees, Russian emigrants, displaced persons, Russian Old Believers.

Государство Новая Зеландия к настоящему времени имеет богатый опыт приёма не только эмигрантов, но и беженцев со всего мира, определённое место в котором отведено россиянам. Исторические реалии исхода граждан Российской империи, а затем и республик бывшего Советского Союза были таковы, что в широком понимании многие из них могут рассматриваться как беженцы, т.е. лица, переселившиеся из одного места в другое вынуждено. В этом смысле первыми российскими беженцами в Новой Зеландии стали евреи, бежавшие от погромов из европейской части империи. Поодиночке и семьями они появились здесь уже во второй половине XIX в. После подавления польского восстания (1861—1864) на далёкие острова стали массово прибывать граждане России польского происхождения. К 1914 г. в Новой Зеландии проживало уже не менее 1000 бывших россиян. Многие из них являлись этническими русскими, а по социальному происхождению — в основном крестьянами, покинувшими родину в поисках заработка. Октябрьская революция 1917 г. и последующая Гражданская война стали причиной масштабного исхода бывших россиян в различные страны мира. Прибытие беженцев этой волны в Новую Зеландию растянулось не менее чем на 70 лет. Добирались они самостоятельно и чаще всего через третьи государства. Вторая мировая война явилась причиной новой волны массовой эмиграции как бывших российских, так и советских граждан, оказавшихся за пределами СССР в границах 1941 г. Часть из них добралась и до Новой Зеландии. Этническими беженцами считаются советские евреи, получившие возможность выезда из СССР в период с 1974 по 1986 г. Новая Зеландия приняла их в количестве 335 чел. Члены этой группы, несмотря на статус этнических беженцев, прибывали на острова на свои личные средства и по своему личному выбору. Далее, до принятия Закона о свободе выезда из России (1993), новозеландское правительство в единичных случаях давало статус политических беженцев советским «невозвращенцам».

В международном праве понятие «беженец» появляется в 1922 г., когда Лига Наций приняла первое соглашение о таких лицах. С началом холодной войны союзники СССР перестали выполнять ялтинские соглашения о принудительной репатриации советских граждан из европейских послевоенных лагерей. Для расселения таких беженцев, к 1947 г. ещё находящихся в лагерях, была создана Международная организация по делам беженцев (International Refugee Organization — IRO). СССР в её работе не участвовал. Новая Зеландия же входила в число стран, создавших IRO. В 1951 г. IRO преобразовали в Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев. В настоящее время основными правовыми документами о статусе беженцев являются Конвенция 1951 г. и Протокол 1967 г. (Россия присоединилась к этим соглашениям только в 1992 г., когда встал вопрос о правах беженцев в бывших советских республиках). Согласно указанным документам, беженцами признаются лица, которые в силу вполне обоснованных опасений могут стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определённой социальной группе, сексуальной ориентации или политических взглядов, находятся вне страны своей гражданской принадлежности и не могут пользоваться защитой этой страны или не желают пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определённого гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не могут или не желают вернуться в неё вследствие таких опасений [7, р. 14—15].

Если следовать данному международному определению понятия «беженец», то в общей истории российской эмиграции в Новую Зеландию можно выделить только три группы эмигрантов, полностью ему соответствующих. Именно они и находятся в центре внимания настоящего исследования. Исторически, первой такой группой стали «ди-пи», или «перемещённые лица» российско-советского происхождения (от англ. *displaced persons*) из послевоенных европейских лагерей. Далее и почти одновременно Новая Зеландия приняла две небольшие группы бывших россиян. Это были русские старообрядцы из Китая и возрастные белоэмигранты из Китая и Филиппин. Беженцы в составе всех этих групп получили стороннюю финансовую поддержку на переезд и обустройство на новом месте.

«ПЕРЕМЕЩЁННЫЕ ЛИЦА»

Первой группой российско-советских иммигрантов, официально принятых Новой Зеландией в статусе беженцев, были выходцы из европейских послевоенных фильтрационных лагерей для «перемещённых лиц», остававшиеся там к 1949 г. В их состав входили как покинувшие Россию после Октябрьской революции и Гражданской войны, так и бывшие советские граждане, по разным причинам оказавшиеся к окончанию Второй мировой войны за пределами СССР. «Ди-пи» переправляли в Новую Зеландию на морских судах, специально зафрахтованных для этой цели IRO.

Всего было пять прямых рейсов, совершённых с 1949 по 1951 г. Все корабли прибывали в морской порт столицы страны — Веллингтон. Первым 27 июня 1949 г. стал пароход «Дандалк Бэй». В судовом списке этого рейса перечислено 1010 пассажиров. Вторым был пароход «Хелленик Принс» (18 октября 1950 г., 980 пассажиров); третьим — пароход «Гойя» (2 мая 1951 г., 1009 пассажиров). Последний транспорт совершил ещё два рейса: 14 августа 1951 г. (932 пассажира) и 14 декабря 1951 г. (460 пассажиров) [ANZ. Nominal Rolls of displaced persons arriving in New Zealand. Record group 8834, 1949—1952 years. Former Ref.: L22]. В целом в статусе «ди-пи» в Новую Зеландию морским путём прибыли около 4,5 тыс. переселенцев из Европы.

Для всех рейсов чиновники IRO составляли на английском языке список беженцев, в котором содержались подробные сведения о каждом пассажире. Одну из копий документа использовали для сверки между заявленными к отправлению людьми и реально прибывшими на борт. Списки разных рейсов имеют различия между собой в объёме информации. Общим местом является указание фамилии и имени, даты рождения и статуса по классификации IRO, у последнего был буквенный код, обозначающий, например, одиноких мужчин или женщин, престарелых лиц, матерей с детьми и т.д. Данный код мог не совпадать с реальным семейным положением «ди-пи». Также приводились номера сопроводительных документов. В некоторых списках есть информация о месте рождения пассажиров, их вероисповедании и роде занятий (профессии).

Большой проблемой для чиновников IRO стало выявление национальной и этнической принадлежности беженцев, которая, как правило, указывалась с их слов. В то же время они должны были как-то подтвердить эту информацию: письменно или на собеседовании. В списке первого рейса есть графа «национальность или последнее место проживания», в списке второго — «национальность», третьего — «последнее место проживания», в списках четвёртого и пятого рейсов присутствуют две графы — «национальность» и «страна рождения».

Выявление российских и советских «ди-пи» в общем составе пассажиров осложнялось сокрытием или сознательным искажением ими своих биографических данных. Фамилии и имена «ди-пи» транскрибировались чиновниками IRO так, как они воспринимали их на слух. Чтобы избежать насильственной репатриации в Советский Союз, беженцы изменяли фамилии, даты и места рождений, выдумывали новые биографии. Кроме того им приходилось учитывать атмосферу начала холодной войны и связанные с этим угрозы быть ограниченными в своих передвижениях. Другими словами, объявлять себя русским становилось опасно. Поэтому определить точное количество русских в составе «ди-пи», выехавших в Новую Зеландию, не получится. Можно только максимально приблизиться к верному ответу. Данные по численности советских «ди-пи» в Новой Зеландии, имеющиеся в литературе, в целом далеки от реальности. В.Н. Земсков, например, использовавший информацию советского Управления по репатриации на 1 января 1952 г., указывает, что в Новую Зеландию выехал 631 советский

гражданин, причём в их составе исследователь насчитал только трёх этнических русских [2, с. 79]. В.П. Олтаржевский на основе полученных им сведений дипмиссии СССР в Новой Зеландии сообщал, что в эту страну в статусе «ди-пи» прибыло в целом около 2000 чел. Примерно 930 чел. из них он отнёс к выходцам из стран бывшего СССР в границах 1940—1941 гг. Количество этнических русских среди последних определялось им примерно в 50 чел. [3, с. 56—59].

Возможность приближения к реальной оценке численности русских «ди-пи» дают источники, ранее в отечественной историографии не использовавшиеся. Это судовые списки пассажиров судов, перевозивших «ди-пи» [ANZ. Nominal Rolls of displaced persons arriving in New Zealand. Record group 8834, 1949—1952 years. Former Ref.: L22]. В настоящем исследовании предлагается рассматривать два варианта определения примерного количества русских «ди-пи». Первый — «прямой», т.е. учитывается этническое происхождение и бывшее гражданство, заявленные самими эмигрантами при прохождении фильтрации в лагерях. Второй — «косвенный», так как основан на совокупности всех данных, имеющихся в списках пассажиров. Ядро этих сведений — славянская основа имени, дата и место рождения эмигранта, возраст на время революционных событий и начало войны, вероисповедание, информация о семье, территории последнего проживания и т.д. В некоторых случаях ясность могут внести события дальнейшей жизни «ди-пи» в новой стране.

Расхождения между двумя вариантами подсчёта существенны. Например, первый транспорт, согласно судовому списку, доставил в Новую Зеландию 1010 пассажиров, среди которых только 10 чел. были отнесены к русским: мать с ребёнком, незамужняя женщина, семья из трёх человек и четверо неженатых мужчин. Второй подсчёт даёт другую картину: не менее 109 чел. являлись русскими. В их составе учтены и 49 чел., въехавших в Новую Зеландию в статусе апатридов (*stateless*). Например, в числе последних под № 760, 761 и 762 записаны инженер Евгений Павлович Пахов (род. 17.05.1894 г. в Москве), в будущем ставший организатором первых русских православных богослужений в г. Крайстчерче (англ. — Christchurch), его жена-домохозяйка (род. 13.02.1898 г. в Таганроге) и дочь-студентка (род. 23.08.1923 г.). Общей верой членов семьи указано русское православие. Местом рождения дочери является Югославия, что даёт возможность предполагать: её родители — белоэмигранты, покинувшие Россию в 1920-е гг.

В 1997 г. Анатолий Тимофеевич Карусь, один из пассажиров того же первого рейса, первый староста русской православной церкви в г. Веллингтоне, вспоминал: «...Нас перевезли в Триест и посадили на пароход „Дандалк Бэй“, бывший немецкий санитарный корабль. Всего на пароходе было 1200 иммигрантов, в основном поляки и прибалты, русских — около 250 чел. Военнопленные, перемещённые лица, белая эмиграция из Югославии — разный народ собрался. С нами плыли: бывший главный редактор „Мурзилки“ Виноградова с мамой, капитан военного тральщика, Герой Советского Союза, один инвалид без пальцев... были ещё два транспорта, которые привезли

много русских из Европы». Также А.Т. Карусь добавил, что в трамвайном депо, где он работал, 10 из 25 чел. являлись русскими и новозеландцы шутили: теперь в депо нужно вывешивать красный флаг [1, с. 5—7].

В совокупности по всем пяти рейсам «косвенный» подсчёт даёт численность этнических русских не меньше чем 400 чел. Благодаря именно их усилиям в Новой Зеландии были построены первые три русские православные церкви и организованы при них приходы. Вместе с тем надо отметить, что в ситуации продолжающейся холодной войны очень немногие из «ди-пи» официально «вернули» себе настоящие имена. Например, прибывший в 1951 г. «украинец Белоус Михайло» только через 18 лет проживания в Новой Зеландии решился восстановить своё настоящее имя и натурализовался в 1969 г. как «сын кубанских казаков», русский по происхождению Латиш Леонид Филиппович; то же самое сделала его родственница (?) «украинка Белоус Фаина Филипповна» [ANZ. R24023195. Belous, Michailo (Russian) — reverted to family name — Latish, Leonti Filipovich — Naturalised 25 March 1969; R24023204. Belous, Faina (Russian) — reverted to family name — Latish, Faina Filipovich — Registered NZ Citizen 1 April 1969]. Но этот случай был скорее исключением, чем правилом. Многие русские «ди-пи» так и прожили с искажёнными именами и биографиями. Поэтому национальные переписи населения Новой Зеландии за 25 лет зафиксировали очень небольшое увеличение численности этнических русских: с 506 чел. в 1951 г. до 892 чел. в 1976 г.

Перед посадкой на суда «ди-пи» проходили медицинский осмотр и проверку

Рис. 1. Одна из групп «ди-пи», прибывших третьим рейсом в 1951 г., следующая с борта судна к месту посадки в железнодорожные вагоны. Источник: [Alexander Turnbull Library, Wellington, New Zealand/records/22693951. Immigrants on the Goya. Evening post (Newspaper. 1865—2002): Photographic negatives and prints of the Evening Post newspaper. Ref: 114/290/08-G]

Рис. 2. Лагерь для беженцев в г. Пахиатуа, 1949 г. Группа русских «ди-пи», прибывшая первым транспортом. Источник: [Personal archive of Irene Zohrab, Wellington, New Zealand], фото публикуется с разрешения его владельца И. Зораб

документов. Затем начиналось месячное морское путешествие. В порту г. Веллингтона беженцев встречали представители местной власти в лице сотрудников полиции, таможни и иммиграционных офицеров. До схода на берег вновь проверялись документы (паспорта IRO), потом люди получали личные идентификационные карточки, по судовым спискам формировались группы (не более чем по 20 чел.) для прохождения таможенного досмотра и доставки беженцев на поезд, следовавший в г. Пахиатуа. Там, примерно в двух часах езды от столицы, находился единственный в стране сортировочный лагерь для беженцев. В дороге всем выдавали пакеты с едой. Сопровождающие официальные лица строго следили, чтобы двери вагонов были закрыты: никто из беженцев не должен был покидать их после посадки.

В первые дни в лагере были запрещены все сторонние посещения. «Ди-пи» вновь проходили медицинский контроль. Затем начиналась процедура сортировки беженцев по уровню образования и профессиональной принадлежности. Одновременно «ди-пи» посещали классы изучения английского языка. Минимальный срок пребывания в лагере составлял от одной до двух недель. Далее власти определяли место жительства приехавших и тип их трудоустройства. Людей расселяли небольшими группами по всей территории страны в зависимости от наличия рабочих вакансий на местах. Этническое происхождение во внимание не принималось, поэтому позже оказалось, что различные группы русских «ди-пи» даже не знали о существовании друг друга. Но, так или иначе, именно в указанный период в Новой Зеландии возникли активные точки роста русской колонии, особенно в таких крупных городах, как Веллингтон, Окленд и Крайстчерч.

ВОЗРАСТНЫЕ БЕЛОЭМИГРАНТЫ

Члены этой группы беженцев, состоявшей из престарелых и больных людей, прибыли в Новую Зеландию в 1963—1975 гг. Для них в пригороде г. Веллингтона специально был создан приют, получивший название Дома Нансена. В этом качестве заведение проработало 22 года, с 1963 по 1985 г., в нём проживали 35 чел. В 1985 г. Дом Нансена передали пенсионной системе, он стал одним из рэст-хоумов (от англ. rest-home) для престарелых граждан Новой Зеландии. У организаторов не было цели создать приют именно для беженцев из России. Но так сложились обстоятельства, что именно они стали его обитателями. Более того, из 35 жителей Дома Нансена 30 являлись этническими русскими. Беженцы прибывали на протяжении всех 22 лет. Пик пришёлся на 1963—1964 гг. (в первые годы работы приюта приехало 16 чел.) и на 1971 г. — поступило 6 чел.

По географии стран «убытия» или первого убежища резиденты Дома Нансена представляли собой две группы. Первая (и самая многочисленная) приехала в 1963—1966 гг. из Китая, преимущественно из Харбина. В эти годы из 24 жителей приюта 18 являлись бывшими харбинцами. Вторая группа — 10 беженцев из Манилы (Филиппины), шесть из которых прибыли

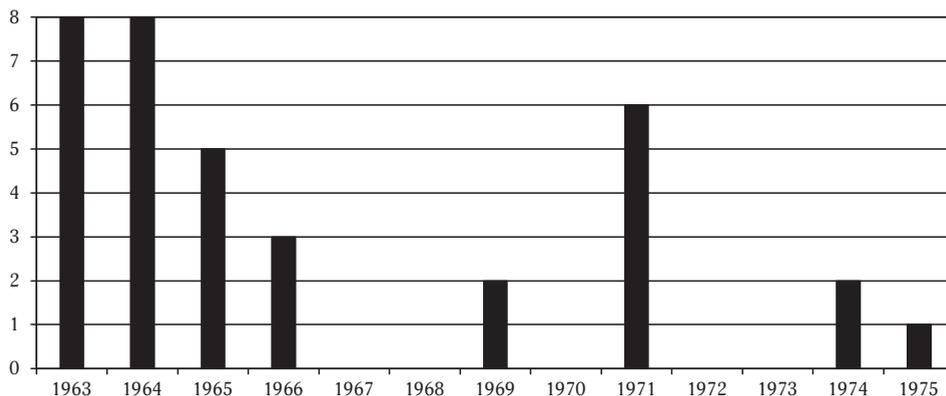

Рис. 3. Количество (чел.) и время прибытий беженцев в Дом Нансена.
Сост. автором по: [4]

в 1971 г. Большинство из них покинули Россию в 1922 г., уходя из Владивостока на судах белой флотилии адмирала Г.К. Старка. В географии мест «убытия» также упоминались японские города Токио и Иокогама (2 чел.), итальянский послевоенный лагерь для беженцев в г. Капуя (2 чел.) и индонезийская столица Джакарта (1 чел.). Две женщины, этнические русские, уже проживали в Новой Зеландии, а в Дом Нансена попали при содействии русских православных приходов в городах Окленд и Веллингтон.

Средний возраст жителей приюта на момент их въезда в Новую Зеландию составлял примерно 68 лет. Самой старшей, Ирине Яковлевне Вантевой, было 86 лет, и ещё восемь спокойных лет она провела в Доме Нансена.

Самой «юной» являлась Анастасия Рейковская (Вилсинская), ей на время прибытия исполнилось 46. Законодательно престарелым гражданином в Новой Зеландии считались люди в возрасте от 60 лет. Но Рейковская попала в приют из лагеря для беженцев в итальянском г. Капуя вместе с 60-летним мужем, с которым познакомилась в лагере. Она прожила в Доме Нансена всего год до своей смерти: тяжёлые испытания, выпавшие на долю женщины, фатально подорвали её жизненные силы.

Рис. 4. Жители Дома Нансена, общая фотография, 1967 г. Фотокопия из: [5, р. 42]

Большинство среди беженцев составляли женщины: 25 из 35 чел. Обращает на себя внимание факт, что у 25 чел. не было детей, а некоторые никогда прежде не заключали брак. Детали их биографий свидетельствуют: причиной этого стали невзгоды послереволюционного времени, разрушившие судьбы бывших россиян. Социальный состав жителей Дома

Большинство среди беженцев составляли женщины: 25 из 35 чел. Обращает на себя внимание факт, что у 25 чел. не было детей, а некоторые никогда прежде не заключали брак. Детали их биографий свидетельствуют: причиной этого стали невзгоды послереволюционного времени, разрушившие судьбы бывших россиян. Социальный состав жителей Дома

Нансена являлся неоднородным. Среди них были выходцы из семей государственных служащих, из военных и рабочих. Не менее 12 чел. имели крестьянское происхождение, причём четверо не умели ни читать, ни писать. Уровень образования варьировался от неоконченного начального (в пределах 1—2 классов) до высшего. Перечень занятий, которыми большинство беженцев до въезда в Новую Зеландию зарабатывало себе на жизнь, был прост: больничная няня, сиделка, домработница, уборщица, разнорабочий и т.п. Очевидно, что многие в эмиграции занимались в основном неквалифицированным трудом и работали на условиях временного найма. Вместе с тем среди беженцев были владелец магазина радиодеталей, имевший инженерное образование, служащая офиса, военный переводчик, владелица агрофермы, мастер по пошиву одежды, машинистка и инженер с КВЖД. Были даже участница партизанского движения на Филиппинах и бывшая российская прима-балерина.

Время проживания в Доме Нансена составляло от нескольких недель до десятилетия и более. К 1984 г. 24 чел. умерли естественной смертью. Всего три недели после прибытия в Новую Зеландию прожил бывший рядовой белой армии Василий Степанов (1898 г.р.). Он приехал из Манилы, куда попал вместе с эскадрой Старка. 14 спокойных и сытых лет провели в приюте машинистка КВЖД Елизавета Михайловна Потанина (1896 г.р.) и военный инженер Николай Львович Чигвинцев (1893 г.р.). Несколько человек в разное время покинули Дом Нансена, так как нашли в себе силы устроить свою жизнь в новой стране самостоятельно — с помощью детей или через каких-то знакомых [4, р. 1—65]. Некоторые после 1984 г. ещё продолжали жить в приюте, уже поменявшем свой статус.

РУССКИЕ СТАРООБРЯДЦЫ

Третья по времени прибытия в Новую Зеландию группа беженцев — переселенцы из Китая. Это были старообрядцы-беспоповцы, после Гражданской войны бежавшие в китайскую провинцию Синцзянь. Никто из них не принимал участия в Октябрьской революции 1917 г. и сражениях Гражданской войны. Эта социально и культурно замкнутая этнографическая группа русских на протяжении столетий охраняла устои своей жизни и веры. Расселением староверов, прибывавших из разных мест Китая в Гонконг, занимались различные международные организации.

14 июля 1965 г. первые три семьи староверов в количестве 17 чел. прилетели в международный аэропорт г. Крайстчерча. Через две недели за ними последовала вторая группа (20 чел.). Третья группа из шести семей, в составе которой были инвалиды, прибыла 8 августа. К августу 1965 г. численность русских беженцев-староверов достигла 73 чел. В 1967 г. к ним присоединилась ещё одна семья из Гонконга (двое взрослых и пятеро детей); потом был небольшой внутренний обмен с семьями староверов из Австралии (прибыли восемь взрослых и шесть детей). В течение первых шести лет

зафиксировано две смерти. Кроме того, трое взрослых и два ребёнка уехали в Австралию и США. Таким образом, с учётом 25 детей, рождённых уже после приезда молодыми парами, через семь лет (в 1972 г.) община русских староверов в Новой Зеландии насчитывала 112 чел.: взрослых — 38 чел., детей и молодёжи до 20 лет — 74 чел. Возрастные группы были следующими: от 0 до 5 лет — 23 чел.; 6—15 лет — 30 чел.; 16—25 лет — 23 чел.; 26—40 лет — 19 чел.; 41—65 лет — 8 чел.; свыше 66 лет — 9 чел. [6, p. 55—56].

К прибытию беженцев в Новую Зеландию активисты Национального Совета церквей (НСЦ) проделали большую подготовительную работу. Они привлекли различные организации и частных лиц, которые взяли на себя финансовую и моральную ответственность за адаптацию переселенцев в новом обществе. Большую роль сыграла кампания по подготовке общественного мнения, ведь до появления староверов в Новой Зеландии о них там мало кто знал. С помощью волонтеров и прессы распространялась информация об истории русского религиозного раскола, об образе жизни и особенностях веры переселенцев. Новозеландское правительство, дав разрешение на въезд этой группе беженцев, с самого начала запретило им создавать обособленное поселение. Поэтому маленькие группы староверов сразу распределили по небольшим селениям провинции Сауфлэнд на Южном острове.

В первый же месяц две трети мужчин-староверов были устроены на сельские фермы. Начав с простых работ, они быстро обучались более сложным. Например, стали брать уроки по вождению трактора. К шестому году пребывания в стране многие староверы сменили первую работу. Все дееспособные мужчины были заняты: 7 чел. — на морозильных работах, 6 чел. — на заводах, 7 чел. — в коммерции, 1 чел. — в торговле, остальные трудились на железной дороге или стройках. О них отзывались как о старательных и честных работниках. Четыре женщины пошли на производства, связанные с вязанием и шитьём одежды, две стали поварами, одна помогала мужу в торговле. Один из мужчин проработал сначала два года на ферме, затем окончил институт и получил диплом механика.

В первый год староверам нелегко далась адаптация к островному климату, особенно к влажным и холодным зимам. Но основной проблемой стало освоение английского языка. Большинство были неграмотны; лишь несколько имели начальное образование. В школе детям помогали учителя и одноклассники. Молодые мужчины посещали вечерние классы. Работающие стали носить с собой тетрадь и карандаш для записи непонятных им слов. Местные церкви ежедневно присылали одного-двух прихожан в дома беженцев для часовых уроков английского. Но старикам, как и престарелым обитателям Дома Нансена, язык не давался совсем. Родители начали терять управление над детьми. Те быстро осваивали английский и часто выступали как переводчики, получив таким образом доступ к вынесению семейных решений, что ранее было совершенно недопустимым. Отцы теряли прежний авторитет, так как матери и молодёжь стали устраиваться на работу и приносить в семью доход. По свидетельству организаторов переселения, уже через неделю после прибытия многие молодые староверы

Рис. 5. Первая группа староверов отбывает из г. Крайстчерча в г. Инверкагилл. Во втором ряду четвертый слева — священник Рон О'Грэди, организатор переселения. *Источник:* [6, р. 27]

желали обладать автомобилем, а те из них, кто работал, переставали отдавать деньги родителям.

В Новой Зеландии староверы не строили никаких специальных помещений для богослужения; в каждом доме было отведено место для молитвы. Соблюдение традиционной обрядности в новых реалиях сопровождалось определёнными трудностями. Например, главные праздники года — Рождество и Пасху — староверы отмечали по православному календарю, или на две недели позже, чем в Новой Зеландии. Кроме этого, каждую среду и пятницу они

соблюдали пост, не говоря уже о днях разных святых, в которые запрещалось есть молочные и мясные продукты. Работодатели не всегда с пониманием относились к религиозному календарю староверов, в ряде случаев, когда их нельзя было заменить, прогул грозил увольнением. Поэтому переселенцы часто вынуждены были выходить на работу в праздники, нарушая традиции.

Староверы с первых недель прибытия в Новую Зеландию оказались в условиях, когда они были вынуждены резко изменить прежний образ жизни: разделиться на отдельные семьи, работать по найму, отдавать детей в светскую школу и постоянно общаться с большим количеством людей иной культуры. Это не могло не сказаться на прежней сплочённости общины. Через два года после прибытия первая русская семья из г. Инверкагилла в поисках лучшей работы переехала в г. Крайстчерч. Спустя некоторое время за ними последовали пять других семей. К июню 1972 г. община староверов в этом городе насчитывала 47 чел. (16 взрослых и 31 ребёнок). Остальные переселились в г. Инверкагилл (20 взрослых и 40 детей), одна семья осталась в г. Гор (2 взрослых и 3 детей) [6, р. 1—57].

ВЫВОДЫ

Самой многочисленной группой беженцев в истории русской эмиграции в Новую Зеландию стали русские «перемещённые лица» из послевоенной Европы. «Косвенный» подсчёт даёт основание говорить примерно о 400 русских «ди-пи», прибывших морским путём на судах IRO. По сравнению с этой группой две другие очень невелики: 30 чел. из

35 жителей Дома Нансена и 73 чел. — члены семей религиозных беженцев-староверов — также были этническими русскими.

Результат культурно-языковой адаптации беженцев во многом был предопределён целями страны-реципиента. Новозеландские власти желали скорейшей социализации переселенцев в новом обществе, а не сохранения их культурной идентичности. Для этого «ди-пи» небольшими группами расселяли и трудоустраивали по всей стране, независимо от их этнической принадлежности. Ту же стратегию сознательно применили и в отношении староверов. Правительство полагало, что сохранение ими дистанции от современного общества не отвечает интересам государства. Поэтому семьи староверов сразу расселили по разным местам, а детей обязали посещать новозеландскую школу. Только жители Дома Нансена в большинстве своём остались в пределах исходной культурно-языковой идентичности. Предпринятые попытки обучить их английскому языку и вовлечь в новую социальную среду оказались неудачными. Лишь несколько человек из приюта нашли в себе силы вести самостоятельную жизнь. По причине возраста и состояния здоровья общение этой группы русских беженцев ограничивалось внутренними связями и редкими контактами с представителями небольшой русской колонии г. Веллингтона.

Всем беженцам, ещё до их прибытия в страну, международные организации оказали финансовую помощь. Первое время правительство Новой Зеландии поддерживало только «перемещённых лиц»: выплачивало пособие до трудоустройства, обеспечивало рабочими местами и жильём, гарантировало получение новозеландского гражданства и равные права с остальными гражданами. Староверы и возрастные белоэмигранты были ввезены практически без активного участия властей. В этих случаях именно организаторы их переселения — священники-активисты христианских церквей Ян Фрззер (Дом Нансена) и Рон О'Грэди (староверы), — мобилизовав общественное мнение в своей стране, помогли собрать необходимые средства и наладить жизнь беженцев в первые годы. В дальнейшем и эти группы стали получать государственную поддержку.

Парадоксально, но именно приём малочисленных групп русских старообрядцев и престарелых белоэмигрантов способствовал дальнейшему росту появившегося во время Второй мировой войны интереса новозеландцев к России, русской культуре и языку. Русские же «ди-пи», попав в западную англоязычную страну с давними традициями русофобии, в атмосфере холодной войны старались максимально раствориться в новом обществе и не привлекать излишнее внимание к своему прошлому. Тем не менее в этих условиях именно данная группа беженцев сумела сохранить свою этнокультурную идентичность, реализовав эту потребность через религиозную деятельность. Русские «ди-пи» на собственные средства построили три первых православных храма в новой стране и организовали приходы при них. Судьбы русских беженцев сложились по-разному, но события их жизни уже в любом случае являются важной частью истории российской диаспоры в Новой Зеландии.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Ерофеевский С. (запись) Русские корни. Часть пятая. Веллингтонский вагоновожатый // Ветер (ежемесячник). Окленд. 1997. № 21. С. 5—6.
2. Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Окорокров А.В. Эмиграция и репатриация в России. М.: НО БФ «Попечительство о нуждах российских репатриантов», 2001. 490 с.
3. Олтаржевский В.П. Советский Союз и Новая Зеландия в системе международных отношений 40—80-х гг. XX в. Иркутск, 1999. 292 с.
4. Fraser I.W. *The Story of Nansen Home: Elderly Refugees in New Zealand*. Lower Hutt, 1984. 65 p.
5. McFarland P.R. *A Promised Land? Russian Refugees in New Zealand after 1945*. Manuscript. New Zealand, Dunedin: University of Otago, 1997. 93 p.
6. O'Grady R. *The Old Believers: a New Zealand Refugee Programme*. Wellington: International Council of Churches in New Zealand, 1972. 57 p.
7. UN HCR: *Convention and Protocol Relating to the Status of Refugees*. 54 p. URL: <http://www.unhcr.org/protect/PROTECTION/3b66c2aa10.pdf> (дата обращения: 01.01.2018).
8. ANZ (National Archives of New Zealand, Wellington office).
9. Collection of the Alexander Turnbull Library. URL: <http://mp.natlib.govt.nz/?l=en> (дата обращения: 01.01.2018).
10. Personal archive of Irene Zorab, Wellington, New Zealand.

REFERENCES

1. Erofeevskii S. (zapis') *Russkie korni. Chast' pyataya. Vellingtonskii vagonovozhatyi* [Erofeevsky S. Russian Roots. Fifth Part. Wellington Motorman (Recorded)]. *Veter* [Wind (Monthly Journal)]. Auckland, 1997, no. 21, pp. 5—6. (In Russ.)
2. Ioncev V.A., Lebedeva N.M., Nazarov M.V., Okorokov A.V. *Emigraciya i repatriaciya v Rossii* [Emigration and Repatriation in Russia]. Moscow, NO BF „Popechitel'stvo o nuzhdah rossiiskih repatriantov“ Publ., 2001, 490 p. (In Russ.)
3. Oltarzhenskii V.P. *Sovetskii Soyuz i Novaya Zelandiya v sisteme mezhdunarodnyh otnoshenii 40—80-h gg. XX v.* [The Soviet Union and New Zealand in the System of International Relations in the 1940^s—1980^s of the 20th Century]. Irkutsk, 1999, 292 p. (In Russ.)
4. Fraser I.W. *The Story of Nansen Home: Elderly Refugees in New Zealand*. Lower Hutt, 1984, 65 p. (In Eng.)
5. McFarland P.R. *A Promised Land? Russian Refugees in New Zealand after 1945*. Manuscript. New Zealand, Dunedin, University of Otago Publ., 1997, 93 p. (In Eng.)
6. O'Grady R. *The Old Believers: a New Zealand Refugee Programme*. Wellington, International Council of Churches in New Zealand Publ., 1972, 57 p. (In Eng.)
7. UN HCR: *Convention and Protocol Relating to the Status of Refugees*, 54 p. Available at: <http://www.unhcr.org/protect/PROTECTION/3b66c2aa10.pdf> (accessed 01.01.2018). (In Eng.)
8. ANZ (National Archives of New Zealand, Wellington office). (In Eng.)
9. Collection of the Alexander Turnbull Library. Available at: <http://mp.natlib.govt.nz/?l=en> (accessed 01.01.2018). (In Eng.)
10. Personal Archive of Irene Zorab, Wellington, New Zealand. (In Eng.)